

ISSN 0234-950X

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

СЕРГЕЙ
ИВАНОВИЧ
ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ

УДК 53(093.3)

ББК 2

В12

Редакционная коллегия тома:

И.М. АДУЛО, А.В. АНДРЕЕВ, Ю.И. КРИВОНОСОВ,
В.М. ОРЕЛ, Е.И. ПОГРЕБЫССКАЯ, К.А. ТОМИЛИН

Рецензенты:

доктор философских наук Б.И. КОЗЛОВ,
доктор физико-математических наук В.П. ВИЗГИН

Вавилов Сергей Иванович

Дневники, 1909–1951 : В 2 кн. / Сергей Иванович Вавилов ; сост. В.В. Вавилова ; редактор-составитель Ю.И. Кривоносов ; отв. ред. В.М. Орел. М. : Наука, 2016 – . – (Научное наследство ; Т. 35 : В 2 кн.). – ISBN 978-5-02-037639-7.

Кн. 2 ; 1920, 1935–1951. – 2016. – 605 с.: ил. – ISBN 978-5-02-039959-4.

Материалы дневников являются уникальными документами: в них содержатся сведения о значительных исторических событиях, встречах С.И. Вавилова с руководителями государства, видными учеными, сотрудниками институтов, деятелями искусства, простыми гражданами, а также материалы, отражающие период пребывания С.И. Вавилова на посту Президента Академии наук СССР. Особый интерес представляют записи, повествующие о внутреннем мире этого выдающегося ученого и организатора отечественной науки.

Для историков и читателей, интересующихся событиями нашего прошлого.

ISBN 978-5-02-037639-7

ISBN 978-5-02-039959-4 (кн. 2)

© Вавилова В.В., составление, 2016

© Кривоносов Ю.И., редактор-составитель, 2016

© Российская академия наук и издательство «Наука»,
серия «Научное наследство» (разработка, оформление),
1948 (год основания), 1980 (год возобновления), 2016

© ФГУП Издательство «Наука», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (краткий биографический очерк)	11
ДНЕВНИКИ	17
1920	17
1935	20
1936	62
1937	64
1938	66
1939	69
1940	79
1941	109
1942	139
1943	167
1944	195
1945	232
1946	268
1947	298
1948	336
1949	377
1950	421
1951	468
ПРИМЕЧАНИЯ	472
ПРИЛОЖЕНИЯ	526
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	540

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

(краткий биографический очерк¹)

Сергей Иванович Вавилов родился 12(24).03.1891 г. в Москве в семье крупного текстильного предпринимателя, давшего своим детям хорошее образование и возможность заграничных поездок, которые Сергей Иванович использовал для глубокого знакомства с мировой и особенно любимой им итальянской культурой и искусством.

После окончания в 1909 г. коммерческого училища он, сдав дополнительный экзамен по латинскому языку, поступил в Московский университет.

Еще во время учебы в Московском университете (1909–1914) он начал принимать участие в работе физической лаборатории знаменитого ученого П.Н. Лебедева, где окончательно сформировался его глубокий интерес к фундаментальным проблемам физики и возможностям их практического решения.

По окончании университета С.И. Вавилов был призван как вольнонаемный в армию. Став участником начавшейся вскоре Первой мировой войны, прошел всю войну, служа вначале в саперных, а затем в радиотехнических войсках; попал в плен, совершил удачный побег, познал все тяготы солдатской службы.

С 1918 г. началась его исследовательская и преподавательская деятельность. Он работал в отделе физической оптики в Институте физики и биофизики, которым руководил ученик П.Н. Лебедева академик П.П. Лазарев, читал лекции в Московском университете, Высшем техническом училище, Московском высшем зоотехническом институте, получил профессорское звание.

В 1926 г. С.И. Вавилов был направлен Институтом физики и биофизики на полугодовую научную стажировку в Германию, где работал в лаборатории ведущего в то время специалиста по люминесценции П. Прингсгейма.

В 1931 г. С.И. Вавилов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1932 г. академиком.

С 1932 г. он, переехав в Ленинград, возглавил физическую лабораторию, а с 1934 г. – образованный на ее основе Физический институт Академии наук,

¹ Поскольку дневники С.И. Вавилова издаются в двух книгах (1909–1916 и 1920, 1935–1951), которые к читателю могут попасть по отдельности, составители посчитали целесообразным в дополнение к биографии С.И. Вавилова, помещенной в первой книге, включить во вторую книгу краткий биографический очерк, имеющий непосредственное отношение к событиям и годам, описываемым в дневниках этого периода.

выделившийся в самостоятельное учреждение из Физико-математического института. По предложению С.И. Вавилова Физический институт стал носить имя П.Н. Лебедева. По инициативе основателя Государственного оптического института (ГОИ) академика Д.С. Рождественского в 1932 г. С.И. Вавилов был назначен научным руководителем этого института.

Его деятельность на этом посту была чрезвычайно плодотворной и на многие годы предопределила структуру и главные направления работ этого крупнейшего научного центра, охватывавшие все основные проблемы оптики, включая приготовление оптического стекла, разработку сложнейших оптических приборов и решение огромного комплекса важнейших прикладных научных задач, а также теоретических вопросов оптики.

Одним из собственных направлений научных исследований С.И. Вавилова были проблемы физической оптики и ее важного раздела – люминесценции. В ГОИ им была создана специальная лаборатория, которой он руководил многие годы, даже после того как из-за огромной нагрузки по другим работам был вынужден отказаться от научного руководства институтом.

После перевода в 1934 г. Академии наук из Ленинграда в Москву Физический институт, также перебазированный в Москву, под руководством С.И. Вавилова быстро превратился в крупнейший многопрофильный физический научный центр. Главной заботой С.И. Вавилова в процессе развития ФИАНа было привлечение высококвалифицированных научных кадров. В институт были приглашены выдающиеся физики – Л.И. Мандельштам, Г.С. Ландсберг, Н.Д. Папалекси, И.Е. Тамм, Н.Н. Андреев, Д.В. Скобельцын и др. Особое внимание С.И. Вавилов уделял подготовке молодых кадров в различных направлениях физической науки. Среди представителей молодого поколения физиков довоенного призыва, прошедших фиановскую школу при С.И. Вавилове, можно назвать будущих членов Академии – И.М. Франка, В.Л. Гинзбурга, П.А. Черенкова, Е.Л. Фейнберга и др. В ФИАН трудами С.И. Вавилова была создана выдающаяся школа исследователей в области физической оптики и, в частности, люминесценции. В числе его учеников были В.В. Антонов-Романовский, В.Л. Левшин, М.А. Аленцев, М.А. Константинова-Шлезингер, А.А. Черепнев и др.

Одним из важнейших результатов работ С.И. Вавилова, его научного предвидения и глубокого понимания физических процессов было открытие эффекта Вавилова–Черенкова. За это открытие С.И. Вавилов и его сотрудники в 1946 г. были удостоены Государственной премии, а в 1958 г., спустя 7 лет после смерти С.И. Вавилова, П.А. Черенков, И.М. Франк и И.Е. Тамм получили Нобелевскую премию. В своей Нобелевской лекции И.Е. Тамм сказал: «...Мы в СССР употребляем наименование “Вавилова–Черенкова излучение” вместо “Черенковское излучение” с целью подчеркнуть определяющую роль покойного профессора С. Вавилова в открытии этого излучения».

П.А. Черенков в своей книге о Сергее Ивановиче Вавилове отмечал, что «это открытие могло осуществиться только в такой научной школе, как школа С.И. Вавилова, где были изучены и определены основные признаки люминесценции и где были разработаны строгие критерии различения люминесценции от других видов излучения. Не случайно поэтому, что даже в

такой крупнейшей школе физиков, как парижская, прошли мимо этого явления, приняв его за обычную люминесценцию».

Научное предвидение С.И. Вавилова позволило ему уже в первые годы существования ФИАНа организовать исследования в области ядерной физики. Из-за отсутствия подготовленных специалистов он сам до 1938 г. возглавлял отдел физики атомного ядра и тщательно подбирал ученых для работы в этом направлении.

В 1938 г. по докладу С.И. Вавилова Президиум Академии наук создал Комиссию по ядерной физике под его председательством, в которую входили А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, В.И. Векслер, И.М. Франк. Впоследствии сотрудники теоретического отдела института В.Л. Гинзбург, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, рекомендованные С.И. Вавиловым, сыграли ведущую роль в развитии ядерного направления в ФИАНе и создании водородного оружия.

В годы Великой отечественной войны, несмотря на эвакуацию институтов, которыми руководил С.И. Вавилов, в разные города – ГОИ в Йошкар-Олу, где он жил, а ФИАНа в Казань, он продолжал работать в обоих институтах. И это при том, что ему приходилось преодолевать невероятные трудности при постоянных переездах между этими городами. В 1943 г. С.И. Вавилов был назначен уполномоченным Государственного Комитета Оборона по оптической промышленности. Круг его обязанностей и объем исследовательских, прикладных и внедренческих работ, которые ему пришлось организовывать, еще более расширился, как и необходимость участвовавших переездов, особенно в треугольнике Йошкар-Ола–Казань–Москва.

В результате работ, проводившихся в ГОИ, для нужд армии были созданы новые образцы дальномеров, стереотруб, приборов для аэрофотосъемки, разработаны специальные методы светомаскировки военных объектов. Продолжались работы по вычислительной оптике, созданию новых видов оптических стекол, разработка методов спектрального анализа для оборонных заводов и многих других прикладных направлений.

Большие работы оборонного значения велись под руководством С.И. Вавилова и в ФИАНе. О результатах этих работ он говорил, что без всякого принуждения лаборатории изменили свои темы так, чтобы они помогали Красной Армии, военной промышленности, госпиталям. Институт помог в Казани запустить производство светящихся составов постоянного действия, разработал и внедрил в производство методы приготовления керамической массы для радиоконденсаторов, создал и передал в промышленность дефектоскопические приборы, для госпиталей был сделан новый рентгеновский стереоприбор. Теоретики института участвовали в работах по борьбе с магнитными и акустическими минами.

Прозорливость С.И. Вавилова нашла отражение и в том, что в 1941 г. он организовал эвакуацию библиотеки ФИАНа, и она оказалась единственной академической библиотекой, которой пользовались все институты, находившиеся в Казани.

За работы оборонной направленности в 1943 г. С.И. Вавилов был награжден Орденом Ленина и ему была присуждена Государственная премия.

В 1943–1945 годах С.И. Вавилов руководил возвращением ФИАНа, а затем ГОИ в Москву и Ленинград, приложив огромные усилия для восстанов-

ления институтской инфраструктуры и возобновления нормальной научной работы.

В июле 1945 г. в связи с болезнью и по «личной просьбе» был освобожден от поста Президента АН СССР В.Л. Комаров и на этот пост был избран С.И. Вавилов. Перед ним встали новые огромные проблемы, связанные с необходимостью ускоренного развития науки в обескровленной войной стране. В одном из выступлений в начале своей деятельности по руководству Академией наук С.И. Вавилов сформулировал «ряд условий, совершенно необходимых для правильного и быстрого роста науки...». К этим условиям он относил:

1) кадры, т.е. большое число хорошо обученных людей, умеющих вести научную работу, владеющих техникой специальных областей;

2) большие удобные институты и лаборатории, иногда с весьма специализированными помещениями;

3) разнообразное научное оборудование,.. хорошие специальные библиотеки, в которых представлена мировая научная литература по данной области знания;

4) вспомогательные мастерские...;

5) широкое и своевременное внедрение научных работ технического значения и возможность быстро публиковать научные результаты, не составляющие секрета;

6) правильную систему научно-исследовательских учреждений;

7) бытовую обеспеченность ученого, возможность для него сосредоточить свою энергию и знания на решении научных задач.

Несмотря на труднейшую обстановку послевоенной разрухи С.И. Вавилову удалось последовательно осуществить выполнение намеченных задач, организовать восстановление и строительство многих новых научных институтов, обсерваторий и горных станций по изучению космических лучей, крупных установок, в числе которых синхроциклотрон ФИАНа, первый ядерный реактор и многие другие. Обладая выдающимися способностями организатора науки, С.И. Вавилов создал систему связей региональных научных центров и республиканских академий наук и возглавил Совет по координации научной деятельности академий союзных республик. Он способствовал развитию исследований в наиболее важных в то время новых научно-технических направлениях, связанных с использованием ядерной энергии в народном хозяйстве и с развитием ракетной техники. При Президиуме Академии наук был создан специальный Ученый совет по распространению методов ядерной физики в различных сферах науки и техники, который возглавил С.И. Вавилов.

Еще с 1933 г. С.И. Вавилов возглавлял комиссию по изучению стратосферы; в послевоенные годы диапазон исследований расширился, проводились работы по изучению верхних слоев атмосферы, а затем космического пространства. При участии С.И. Вавилова при Президиуме АН была создана комиссия по космосу, в которую входили академики С.П. Королев, М.В. Келдыш и др., а под председательством С.И. Вавилова проводились специальные совещания, обеспечивавшие координацию усилий различных академических организаций, привлекавшихся к этим исследованиям.

Широкий диапазон интересов и высокая культура сделали С.И. Вавилова признанным авторитетом в области истории и философии науки и техники. Знание иностранных языков позволило ему осуществить переводы и написать оригинальные научные исследования о деятельности выдающихся мыслителей прошлого – Лукреция, Ньютона, Галилея, Эйлера, Ломоносова. Им были написаны работы по философским проблемам современной физики, в частности, книга «Экспериментальные основания теории относительности».

Особая заслуга принадлежит С.И. Вавилону в развитии издательского дела в Академии наук, им были основаны новые серийные издания «Классики науки», «Научное наследство», «Литературные памятники», он возглавлял редактирование «Материалов и биографий ученых», был главным редактором нового издания «Большой Советской Энциклопедии».

С.И. Вавилов придавал большое значение популяризации научных знаний и успехов в развитии науки и техники. Им был написан ряд блестящих научно-популярных работ, включая ставшую классической книгу «Глаз и солнце», отмеченную Государственной премией.

Параллельно с огромной научной и организаторской работой на посту Президента Академии наук СССР С.И. Вавилов проявил себя и как выдающийся общественный и государственный деятель. При его участии и по его инициативе было организовано Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, которое он возглавлял с момента создания.

Большую работу он выполнял как депутат Верховного Совета, вначале РСФСР, затем СССР, председатель и член многих академических и общественных комиссий и комитетов. Причем это не было формальным членством, во все дела, в которых ему приходилось участвовать, он вносил свой весомый вклад.

Деятельность С.И. Вавилова на постах руководителя двух крупных институтов и особенно на посту Президента АН СССР проходила в сложной политической обстановке, под постоянным идеологическим прессом, в годы репрессий и разгула политико-идеологических кампаний. В 1940 г. был арестован и погиб в 1943 г. в тюрьме любимый брат Сергея Ивановича, выдающийся ученый-генетик, организатор сельскохозяйственной науки в стране Николай Иванович Вавилов. И то, что Сергей Иванович ушел из жизни в день очередной годовщины гибели брата, не просто роковое совпадение, а подтверждение того, что в его памяти эта самая большая для него утрата, бессмысленная и жестокая, не давала ему покоя, лишала жизненной энергии. Арестам и преследованиям подвергались и ближайшие сотрудники из лаборатории С.И. Вавилова, и академики – руководители ряда академических институтов.

Неимоверные моральные страдания и осознание собственного бессилия причиняли Сергею Ивановичу идеологические процессы наподобие печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. и следовавшие за ней спровоцированные властью другие негативные явления в науке. С большим трудом здоровые силы в физическом сообществе при непосредственном участии С.И. Вавилова предотвратили идеологический погром в физике. В этих условиях С.И. Вавилону приходилось идти на компромиссы, искать пути

минимизации отрицательных последствий политико-идеологического диктата власти, находить возможности помощи ученым – жертвам политических репрессий.

Публикуемые дневники приоткрывают нам внутренний мир этой неординарной личности, мир, который остался практически неизвестным даже его ближайшим сотрудникам и окружению разных уровней – от высших руководителей страны до простых посетителей депутатских приемов и лаборантов институтов, с которыми он постоянно взаимодействовал. Трудно представить, как человек, после ареста брата постоянно мечтавший о тихом уходе в небытие, мог выполнять такую титаническую научную и организационную работу на благо своей страны. В дневниках содержатся и резкие высказывания о положении дел в Академии наук в различные периоды, а также в отношении отдельных известных деятелей науки. Будучи человеком высочайшей порядочности и честности, С.И. Вавилов остро реагировал на проявления отклонений от этических и моральных норм даже в тот тяжелейший период в жизни науки и страны. Несомненное влияние на восприятие окружавшей его действительности и поведение отдельных людей оказала трагедия брата Николая Ивановича Вавилова, ощущение которой постоянно присутствовало и в памяти, и в действиях С.И.

В истории отечественной науки С.И. Вавилов остается выдающимся ученым и руководителем научных коллективов и Академии наук в целом, который смог, подавляя свои внутренние трагические переживания, постоянный моральный прессинг, внести неоценимый вклад в развитие науки, основать свою научную школу, способствовать развитию новых научных направлений, воспитать учеников и последователей.

ДНЕВНИК

1920

Москва, 14/1 апреля

Опять я принялся за дневник. На это есть причины¹. Хотя можно ли и стоит ли об этом писать? И для кого? Опять письма к самому себе. Дело в том, что я, кажется, собираюсь выскочить из Spiegel-Existenz'a*. Для меня совершенно неис[п]ытанные ощущения, четвертое измерение – хотя для других и всех заштампованные и старые, как люди, слова. Вот и написать их не хочется, или храбрости не хватает. И не полетит [ли] к черту все остальное и не начать ли бороться пока еще [есть] время?

Сестра больна – не знаю, еще в живых ли? И физика моя.

Весна. Закружилась моя несчастная голова, и нет уже прежней ледяной вершины. Вот почему и писать начал. Во мне – революция.

17/4 апреля

Из стадии воображения все это пока еще не выходит.

Но зато и воображение-то стало совсем новым, мне незнакомым, молоденьким и наивным. Пожалуй, жить проще и веселее стало. Но *vivremo vedremo**, от этого веселья до сугубой меланхолии очень недалеко и во всяком случае все не от меня зависит.

Старый мой демон – объективизм в самые хорошие, плохие, трогательные и отвратительные минуты остался и лукаво с ядовитой улыбкой на меня посматривает, ну да пускай его смотрит. Живет-то не он, а «я», совсем не объективный.

Прежний вопрос остался, не начать ли бороться. Нет, пожалуй, лучше быть побежденным. И опять лукавая *fatality*^{2*} выглянула – сегодня на коллоквиуме в речи П.П.¹ о Helmholtz'e. Но главное – пока все только воображение и, может быть, пустые мечты.

24/11 апреля

Все это очень тонко и, в конце концов, *malgré moi**. Не знаешь, верный шаг делаешь или споткнешься. Бессознательное лукавство и дипломатия.

* Вероятно, имеется в виду «зазеркалье», зазеркальное существование (*нем.*).

* Поживем – увидим (*лат.*).

^{2*} Неизбежность, фатальность (*англ.*).

* Вопреки мне (*фр.*).

И по-прежнему нет уверенности, ее даже меньше прежнего. Но из колеи я выбит. Может быть, это к добру.

Сегодня весьма циничная (с моей стороны) беседа с Предводителевым¹ о моем Standpunkt'e^{2*}, или моей лестнице, по которой очень умело поднимаюсь и опускаюсь, смотря по обстоятельствам. Да я без точки опоры, но вот это, это новое тянет безудержно помимо всех ступенек и лесенок.

Когда-то ждал я всяких Wendepunkt'ов^{3*} смертей и воскресений... теперь жизнь всюду одинакова, но новое тянет и, главное, malgré moi. В этом, может быть, и спасение. Т.е. какое уж тут спасение?

26/13 апреля

Печально. Я да мать и тишина в доме. Она не может без меня, я без нее. А в голове у меня хаос, и тянет меня совсем к новому. Да, вот теперь-то развалилось наше старое пресненское житие. Ходит старушка да плачет, что у нее зеркало [разбилось], да третьегодняя просфора лопнула, не к добру, примета нехорошая. На это похоже. – А рядом в детском саду голоса «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки»¹.

«У гробового входа
младая будет жизнь играть
и равнодушная природа
красою вечною сиять»².

Нехорошая только эта молодая жизнь, бездушная, не люди, а камни, кирпичи для будущего коллектива.

Что же осталось? Физика (но это игрушка), да это новое еще, только начинающееся (а может быть, и оканчивающееся), да, пожалуй, еще «охота к перемене мест» без смысла, но и без ос[та]новки. Ну а еще мыло с веревкой? Бог?

9 мая н.ст. воскресенье

Началось с Нескучного сада, потерянного Einstein'a¹, моей чудной пробной лекции, а кончилось нелепой акустической какофонией за Пресненской заставой. Вот уже 6 часов рвутся снаряды где-то на Хорошевских складах². Почему? Бог весть. Старое впечатление ураганного огня, но бессмысленного, самопроизвольного. На Пресне это третье событие на моей памяти. Сначала Ходынка³, потом декабрь 1905 г.⁴, а вот теперь эта какофония. События пошли резче, и я чувствую себя способным [соверш]ить *Salti mortali*^{*}.

^{2*} Статус (*нем.*).

^{3*} Поворотный пункт, перелом, кризис (*нем.*).

^{*} Смертельные номера, рискованные шаги (*ит.*).

8 июня н.с.

Spiegel ist zerbrochen? Oder noch nicht? Was weiss ich heute Morgens ist der fatale Schritt, oder wieder Halbschritt gemacht. Schwindel im Kopfe, noch niemals empfundene Stimmung. Neugeboren oder tot!*

Последний нынешний денечек
Справляю я с самим собою¹.

Aber trotzdem möchte ich mit einer Hand an Trümmer meines Spiegels festhalten².*

А будь что будет, плыви, мой челн, по воле волн². Прыгать в окошко не ст[ану] во всяком случае.

* Зеркало разбито? Или еще нет? Я знаю, что сегодня утром сделан роковой шаг, или опять полшага. В голове сумбур, еще никогда не испытанное мною чувство. Заново родился или умер! (нем.).

²* Но, несмотря на это, я хотел бы одной рукой удержать осколки моего зеркала (нем.).

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ЗА ГРАНИЦУ

1935¹

19 мая

В Варшаве очутился около 10 ч. вечера, на вокзале меня встретили А. Jabłoński, I. Bóbr и pr. Pier Kowski. Устроился в гост[инице] Polonia на Иерус[алимской] аллее. Был со всеми тремя в кафе, где наметили три доклада – в у-те, физ[ическом] общ[естве] и conversatorium¹. Предварительно говорил с J[abłoński] о люмин[есцентных] делах.

На Иер[усалимской] аллее освещение плохое. Высокие старые фонари (может быть, оттого, что завешены крепом по случаю смерти Пилсудского). Много рекламных газосветных ламп, в том числе с зеленым светом, которого у нас не получают.

20 мая

Утром был в посольстве. Видел и говорил с полпредом Довтяном. Часа 2 ходил по Иер[усалимской] аллее и Маршалковской¹. По улицам – Торгсин². В 3 ч. опять в полпредстве. Затем до 9 часов в Физическом И-те. Новое здание, очень хорошее, с прекрасным двором, но внутри необычайно провинциальное. Убогий общий практ[икум] шаблонного типа. Ни одной своей задачи. Спец. практикум тоже очень слаб и, вернее, похож на часть общего. Научные работы дипломантов, которые видел до сей поры (штук 10), необычайно ординарны и скучны, хотя оборудование скучное. Затем заседание польск[ого] Физ. О-ва – это Казань какая-то! Вечером с J[abłoński] и В[óbr'ом] в каком-то дешевом ресторанчике пообедал индюшкой и немного поговорил. Варшава уютна, но что-то над ней провинциальное и невеселое.

21 мая

Утром 21-го ездил с Яблоньским на машине pana rectorza*, т.е. Пеньковского, в Вилланов. Дворец Собесского очень уютен, но скромн и не очень красив. Под дождем ходили по аллеям со сплошными лиственными стенами. Затем заказывал очки у Gerlach'a, пошли с Я[блоньским] на Старо Място. Это – совсем хорошо, но опять не очень красиво, но уж очень исторично и настоящая Старая Польша. После обеда (а кушают здесь здорово) пошел в Физ[ический] И-т. Осматривал работы. В И-те 40 спектрографов! Чистота – как на параде, дисциплина тоже больничная, но духа живого никакого. Из тем: строят «пушку» с электроно-вольтами, как везде собираясь разби-

* Пана ректора (польск.).

вать атомы (Солтык). Великолепные кенотронные установки. Эталонированные расс[еяния] экранов по заданию межд[ународной] комиссии поляризации флуоресценции в парах. Флуоресценция каких-то сложных орг[анических] соед[инений], изготавливаемых в Кракове, с целью определения структуры молекул. Установка флуорометра (Кессель). Анизотропия рассеяния в парах ртути (игра на эфф[екте] Допплера). Fein Struktur^{2*}. По жидкой флуоресценции мало и что-то никчемное (завис[имость] интен[сивности] антрац[ита] в растворе от температуры). У самого Пеньковского попытка изучать рассеяние (Рамановское)^{3*} при наложении поля в CS₂ (но мешает ректорство). Структура дерева по рентгенограммам по заданию авиации (кажется, единственная техн[ическая] задача), строение стекла по рентгенограммам. Мастерские маленькие. Великолепный стеклодув. Работы без идей. Вообще в И-те, за исключением Яблоньского¹, идей никаких, только чистота, дисциплина и много приборов. Вечером Пеньковский возил за город в «Константин». Дачное место не особо приглядного вида. Сидели в каком-то ресторанчике без всякого вдохновения.

22 мая

Утром ходил к Герляку за очками, заплатил за них 55 зл[отых]. Затем пошел к Свентославскому в Политехникум. У него интересная лаборатория по эббул[и]ометрии¹, колориметрии, тепловым эталонам. Есть идея, голова, увлечен идеей реорганизации польской науки по русскому образцу. Обедал у брата Бобровны (занятные люди, хорошие картины на стенах), помесь польских патриотов с эмигрантами. Оттуда к Бялобржецкому* в И-т теор[етической] физики. Не И-т, а игрушка, zierlich-maenierlich, чистота, блеск, взяли спектрографы, на 5 человек 6 штук. Занимаются Fein Struktur (Мрозовский). Велик[олепные] снимки. Hoffman Stösse^{2*} по электропроводности (электрометрии) (приспособлен микрофотометр Молля для регистр[ации]). «Теоретическая мастерская» с 1 станком и 1 верстаком. Чисто и скучно. Вечером у Свентославского. Картины Новаковского². Опять помесь Москвы с Польшей.

23 мая

Утром готовил доклад о флукт[уациях] для У-та. Потом с Яблоньским из Физ[ического] И-та пошли в У-т. Сидел с деканом Мазуркевичем, снимали. Присутствовала вся «казанская» профессура. Торжественно. Читал по франц[узски] (очень скв[ерно]), но доклад-то был интересный¹. Едва ли поняли. Feci quod potui*. Далее обед у Пеньковского. Дома. Письма. Ходил ужинать. Дождь.

^{2*} Тонкая структура (нем.).

^{3*} Здесь между строк С.И. Вавиловым вставлена фраза: «Решетки две Вуда и (нрзб.) (не знаю, что будут делать)».

* Вавилов ошибочно транскрибировал фамилию Ч. Бялобжеского.

^{2*} Стопа Гофмана (нем.).

* Я сделал, что мог (лат.).

24 мая

Рано утром в комнату ввалились двое, Штелльман – просится в СССР как еврей, которому здесь ни работы, ни хода не дают, и сотрудник Вертенштейна. Есть тут при Вольном У-те (Towarzystwo Naukowe) маленькая радиоакт[ивная] лаборатория, [в] свое время состоявшая под покровительством Кюри. В лаборатории – на чердаке – 4 сотрудника, нет денег, но кое-что делают: Ферми-эффект, теплота конденсации эманации, 2-й Ферми-эффект в тяж[елой] воде, влияние электр[ического] поля на Ферми-эффект. Потом философически-полит[ический] разговор в кафе с Б[обром]. Не могут они понять коллект[ивного] сов[етского] духа и того, что все мы, несмотря на все фокусы, живем для других. Ясна грызня между здешними физиками, антисемитизм, глубокий провинциализм и в среднем бесталанность.

В ресторане опять убедился в колоссальных размерах польских порций.

В № пришел визитер проф. Przyborski – старичок, когда-то был в Харькове. Жалуется на угнетение полурусских поляками, на то, что сыну его, физику, плохо живется. Странная это сторонашка.

К вечеру пошел в Zalelad, немного говорил с Jablonskim насчет поляризации, а затем вместе с ним и Bobrown'ой пошли в Teatr Narodowy смотреть Judaszá z Kariot[h]a Rastworowskiego¹. Иуда – бывший лавочник, трус и патриот². Обычная польская пафотическая пьеса, в сущности довольно наивная и пустая. Поставлено очень недурно, в общем отлично играют, особенно старик Solski (80 лет). Последняя сцена по Сана Леонардо³.

25 мая

Зашел утром сотр[удник] проф[ессора] Вольфке докт. Мазур и повез в Политехникум. У Вольфке смотреть почти нечего. Мазур занимается сомнительными скачками теплопроводности в орг[анических] жидкостях («эффекты» ищут). Вольфке спекулирует относительно нейтронов. Смотрел физич[еский] практикум – старое и бездарное. Был потом в аэродин[амическом] И-те Политехн[ики]. Хорошая труба, труба для изучения штопора – вид крайне чистый и дельный. Повезли в ресторацию и накормили и напоили по первому разряду. Сразу после этого на со[n]versatorium к jego magnifezencji* в немного веселом состоянии. Однако сделал благополучно два доклада: один об ударах второго рода и об оптическом институте¹. После этого почти без пересадки поехали с Пеньк[овским], Ябл[онским], Капуч[инским] в Mandrallin – здешнее «Узкое»² на 11 персон.

26 мая

В Mandralline. Длинные разговоры с J[ablonskim], с Bjalobysshim¹ e tutti quanti*. Знакома[я] польская природа – пески. Сосны и печально-сладкая память о 1914–1915 гг.

*Его магнифициция (титул ректора университета) (польск.).

*И всеми остальными (ит.).

27 мая

Утром вернулся из Mandrallin. Был у Довтяна – разговор довольно длинный, но пустой. Походил по улицам, чувствуя себя крайне неловко и в костюме и [в] пальто. Хочется казаться поляком, чтобы внимания не обращали. В 7 ч. последний доклад в Физ[ическом] О-ве¹ в присут[ствии] генералов. Доклад сошел хорошо (доклад на самом деле хороший), была дискуссия, потом были в ресторации (скромн[о]). Проводили меня до отеля. Завтра рано утром еду в Вену. В отеле за все время заплатил 150 зл[отых] + [нрзб.] зл[отых] 30.

28 мая

Рано утром в полном благополучии перешел через улицу на Dworzec Główny*, Vobrowna меня провожала. Дорога через Петраков, Ченстохов – словно старые негативы из памяти вынимаешь. Бредут кобеты^{2*} в полосатых допотопных накидках, пейзажи уютные, южная зелень, дубы, буки. Но видишь умершего – себя. Чехословакия как с немецкой картинки, все чистенько, уютно, не особенно эффектно, но отделано на ять. Говорят, поляки не любят чехов. Сосед – польский еврей. Опять безысходный разговор о польском антисемитизме. На австрийской границе весьма невежливо спросили, не собираюсь ли вести большевицкую^{3*} пропаганду. В Вене, куда добрался в 9 ч. вечера, неожиданно встретил проф. Марк на вокзале, повез к себе на квартиру ужинать. Узнал венский interiour, вплоть до того, как дети Марка спят. Потом он же повез на гору Кобенцл над Веной, откуда видны ее огни, посидели с Марком, его женой и сотрудниками в каком-то развеселом Локале^{4*}. Потом в отель Meissl и Schadn – уютный и почтенный.

29 мая

Утром зашел с сотр[удником] Марка в его хим[ический] институт в У-те (обстановка довольно убогая). Заехали за вдовой Wegscheider и пошли на скучнейшее торж[ественное] заседание Венской Ак[адемии] Наук. Не излагаю – прилагаю газетную вырезку¹. Наша Академия в сравнении с этой нудной штукой – идеал жизни и инициативы. Засим обедал в Rathaus-Keller'e*, обратившемся в совершенно демократическое учреждение, где обедают рабочие и крестьяне. Был у Рейхерта относительно флуоресценц-микроскопов и наконец вечером попал к проф. Haschek'у в Физ[ический] И-т, где много говорил о физиол[огической] оптике. В 10 ч. отходил поезд в Италию. Оказалось, что Марк заплатил за меня в отеле – это уже слишком. Доплатил за спальное место и поехал в Италию.

* Центральный вокзал (польск.).

^{2*} Женщины (польск.).

^{3*} Так у Вавилова.

^{4*} Трактир (от нем. das Lokal).

* Погребок в ратуше (нем.).

30 мая (Милан)

Опять ощущение воскресшего покойника¹. Мимо несутся Венеция, Падья, Брешиа, Верона, Виченца – каждый город помню, хотя это было так давно, и в Италии опять так хорошо. Грязновато, исчез чешский и венский лоск. Старина, вылезаящая из пейзажа. Италия – мой край родной². В Милане попал (привез такси) в какой-то подозрительный отельчик около Duomo* под названием «Albergo^{2*} Moderno», погулял по улицам, которые в середине такие же, как в Вене. Лиры летят. Купил отв[ратительное] перо, которым сейчас и пишу. Пил кофе, ел мороженое. Сегодня праздник Ascensione^{3*}. С языком заплетаю[сь]. Звонят по-старинному колокола. Duomo. Чернорубашечные «пионеры» с музыкой³ и простоватые итальянцы. Così' sa va'^{4*}. Смотрел на витрины Salmo Iraghi⁴ – это и вся сегодняшняя оптика. Устал, спать хочется.

31 мая (Милан)

Часа 3 утром провел в торгпредстве. Бестолково и не очень дружелюбно. По телефону известили Ronchi о моем приезде. К вечеру поехал к А.А. Эйхенвальду на конец города. Несчастное существование. Полуэмигрантское существование разбило жизнь¹. Усталый рано улегся спать, а кругом Италия после военной пелены прекрасная, но что-то могильно грустная.

1 июня (Милан)

Утром до 12 опять в торгпредстве, добыл soggiorno*. Зашел на ½ часа в миланский Собор. Не очень люблю я его, не совсем это итальянское. Обедал у Эйхенвальда. Вернулся в город к 6 часам. Бродил. Посидел у Castello^{2*}. Разговор с custodó'm^{3*} Panettone^{4*}. Завтра утром еду во Флоренцию, но хочу захватить в Парму.

2 июня

Классический туристский день, но очень интересный. Утром выехал из Милана. Чудесные стены из роз на станциях, мак в посевах, старина. По своей старинной привычке вылез в Парме. Город маленький, каменный, словно его из скалы высекали, чистый, сытый, конечно, с Duomo XI в., конечно, со «своим» художником Corregio¹. Novanta centesime per un caffè!^{1*} [затем] фашистское приветствие и затем «Maestá»^{2*}! Это по адресу duce (Старик в

* Зд. кафедральный собор (*ит.*).

^{2*} Гостиница (*ит.*).

^{3*} Рел. Вознесение (*ит.*).

^{4*} Таковы дела (*ит.*).

* Пребывание; зд. – вид на жительство (*ит.*).

^{2*} Замок (*ит.*).

^{3*} Хранитель (*ит.*).

^{4*} Панеттоне – миланский рождественский или пасхальный кулич.

* 90 центесиме за чашечку кофе.

^{2*} Величество – титул (*ит.*).

кофейной). Уютный трактир с великолепными тартеллями с сыром и шпинатом. Идиотский памятник Верди. Потом через Болонью во Флоренцию. Опять обретение собственной мумии. Флоренция не понравилась на первый взгляд. Торговля стариной. «Савонарола» на Piazza Синьория², и хорошо и плохо. Карабинеры рядом. Giovinezza^{3*}. Шляпу не снял, чуть не скандал. Трибуны курят.

3 июня

Утром созвонился с Ронки, бродил немножко по Флоренц[ии]. В 3 ч. уехал инж[енер] Брускальони, поехал в И-т. 3-х час[овой] разговор с Ронки. Парнишка¹ толковый, многое узнал. Кино *Notti moscoviti*^{*}.

4 июня

Прежде всего про Ронки. Был и сегодня там часа четыре. Их опт[ический] и-т [-] это комб[инация] вычислителей и нашего опт[ического] сектора. Много, очевидно, скрывают. Показали:

1) Издания И-та и оптич[еской] ассоциации.

2) Выч[ислительное] бюро (проф. Джотти) обучаем[а] молодежь. Часть бюро перешла в промыш[ленный] маленький архив. Там же алгебраист и тригонометристы.

3) Проверка оп[т]ич[еского] стекла (очень чистого) иммерс[ионным] методом.

4) Метод Ронки для испытани[й] фотогр[афических] объективов (демонстр[ировали] сначала с микроскопом в присутствии цилиндр[ической] линзы, затем при наличи[и] решетки, резкий наклон интерф[еренционных] полос).

5) Резольвиметр, очень простой, говорят, что с этим резольвиметром многие прежние врач[ебные] диагнозы пришлось пересмотреть.

6) Прибор И-та для проверки качества биноклей. Срав[нение] бинокля Цейсса и бин[окля] San Giorgio¹. Монохроматор своей конструкции, монохроматор повернутый.

7) Интер[ференционный] прибор Хильгера для измерения метра по методу Фабри.

8) Спектрограф с решеткой Джамоини с Маунт-Вильсон².

9) Объектив диам[етром] 30 см, $f = 1$ м с одной асфер[ической] поверхн[остью] для инфракр[асных] лучей (фотографирования).

10) Ящик с оптич[ескими] принадлежностями (стоят дальномеры).

11) Ginogi – только предприниматель, у котор[ого] много борной кислоты, не знаю, пустит ли в И-т³. Ронки говорит, что в их о[птическом] с[текле] около 80% выхода, что стекло почти без свилей, от плавки к плавке сохран[яется] 5-й знак, а внутри одной плавки сохраняется 6-й знак. Видел я в И-те всего

^{3*} Юность (*ит.*). 3д. – название официального гимна фашистской партии Италии с 1924 по 1943 г.

* Московские ночи (*ит.*).

человек десять⁴. Потом пошли в астр[ономическую] Обсерваторию рядом (дом, где умер Галилей, теперь живут англичане), монастырь, где жила дочь Галилея⁵, теперь там монахи. Директор Обсерватории Giorgio Abetti собирается на солнечное затмение 1936 г. в Россию. В обсерватории совсем плохо И-ты за исключением солнечной башни, с великоолепной диффракционной решеткой Джамомини, посеребрённые зеркала, великоолепный спектрограф, микроотометр типа Киппа своей конструкции. Копия первой трубы Галилея, 4 сотрудника. Места райские, отсюда, казалось бы, научное вдохновение рекой должно было разливаться. Оттуда отвез Брускальони на машине через Piazzale Michelangelo. Утром ходил в монастырь Сан Марко (там с огнем Козьма и Дамиан), потом прошёлся через Ospedale* и т.д. Ночью у меня жар и бред.

5 июня

На Италии печальная печать Crise*. Все полиняло, обеднело (мне ведь приходится сравнивать с тем, что было ¼ века назад). Мои «Giubbe rosse»^{2*} из первоклассного кафе обратились в нищенский бар. Пьют «caffè» (1/4 чашки за лиру). Нет banda militare^{3*}, иностранец ходит бедный. Утром пошел в Uffizi². Среди этого насыщенного раствора красоты блуждал как слепой. Все чуждо, даже Леонардо, даже Giorgione. Окаменел и душевно умер. После обеда Ronchi повел в Museo della Storia della Scienze. Connociale^{4*} Галилея, Торричелли и др. (вел. пол.), прибор Меллони, (нрзб.), алхимическая лаборатория герцога Леопольдо [Медичи]. Но наряду с ценнейшими вещами – пустяки. Поехали потом через Piazzale Michelangelo в Физический И-т в Арчетри к Оккиалини. Ядерная лаборатория. Обычная физическая обстановка и грязь.

Разговор о Гамове и Капице. Строят камеру Вильсона с большим затвигиванием (по типу Фриша), счетчики и камеры с усилителями, космические лучи*. Потом у Ронки. Довольно откровенный разговор. Данные: бюджет 500 000 лир, жалованье Ронки 4000 лир, Брускальони 2000. Промышленность дает 20%, остальное от министерства просвещения. Денег дают сколько хочешь, дело оправдывает. Ронки рассказывает, что ему пришлось объявить войну всем физикам, что он был один, поддерживал только Гарбассо. Главная задача – обучение оптике инженеров, уже окончивших высшую школу, берут их нарасхват (один сделался главным вычислителем и теперь – технический директор San Giorgio). Вечером зашел Occhialini, пошли в trattoria. Странная фигура, мало итальянская. Со всем русский интеллигент. Знает наизусть стихи Блока и Есенина. Говорит о неизбежном fallimento^{6*} Италии, физиков здесь держат впроголодь, живут как следует только в Риме – под солнышком. Говорит, что Ферми – отвратительный экспериментатор, который тотчас же под самый неверо-

* Госпиталь, больница⁶ (ит.).

* Кризис (фр.).

^{2*} «Красные фраки»¹ (ит. флорент.).

^{3*} Зд. военный духовой оркестр (ит.).

^{4*} Правильно: Connociale – подзорные трубы (ит.).

^{5*} Так у Вавилова.

^{6*} Банкротство (ит.).

ятный опытный результат подводит теорию. Жалуется, что итальянцы не умеют divertirsi^{7*}, не танцы. На всю Флоренцию одно какое-то весьма подзрительное танцевальное заведение «Chez moi». Расспрашивает о России, чувствуются явные симпатии. Опять о Гамове (инфантилизм, знаток игр), потом о Капице. Сидели часа 4.

6 июня

Утром зашел в S[anta] Croce. Буонаротти, Галилей, Данте...¹ такое у них на каждом шагу валяется. Потом, как по часам, – искал trattori'ю и обедал, вечером бродил где-то около S. Lorenzo (берегу лиру), а потом готовил доклад, который надо завтра читать. Где-то попался францисканец с погонами (кажется в S. Croce). Погода – итальянское*, а настроение убивают денежные трудности.

7 июня

Получил утром первое письмо из Москвы от своих и от Гребенщикова. Витяга¹ – молодец. Скандал с выборами, не выбрали Герасимовича^{2!} Wo liegt der Hund begraben*. После письма какую-то связь с миром почувствовал. Зашел в S. Maria Novella. Я ее больше всего любил раньше во Флоренции (жил рядом в «Минерве», хотел и на этот раз, да мест не оказалось). Доминиканцев больше нет – монастырь занят школой усатых carabinieri, то скливо и ненужно все смотрит. Sic transit Gloria mundos^{2*}. Невесело на душе стало. Из-за доклада «на последнюю копейку» решил купить abito nero^{3*}, купил отврат[ительную] дрянь за 230 лир. Мне как-то трагически не везет с этими вещами. После обеда Galleria della Belle Art. Окаменелый Давид и Prigionieri^{4*} Микель-Анджело³. Мыслей никаких не пробуждается (думаю, вернее, стараюсь думать совсем о другом). Золотистые сланцы и фло[ре]нтийские примитивы, рядом греческая (а может быть русская?) икона XIII века, она глубже и лучше. Купил на развале книжку о Ньютоне⁴ (это очень приятное воспоминание[e] о Флоренции).

В 10-ом часу надел свое «abito nero», выглядывая в нем, как кукла, и пошел с Ronchi и подвыпившим Abet[t]i в зал Associazione Ellettrotecnica Italiana на Via delle Belle Donne (!?), где и читал по-итальянски о флуктуациях⁵.

Если они что-нибудь поняли – должны бы понять, что вещь важная и интересная, конечно, аплодировали, расспрашивали. Инженеры как инженеры в обстановке novecento^{5*}. Познакомился с директ[ором] Officine Galileo^{6*} Martinez'ом. Похож на Трофимова. После доклада с Ronchi и Abet[t]i ели gelato^{7*} на Piazza V[ittorio] E[mmanuel].

^{7*} Развлекаться (*ит.*).

* Так у Вавилова.

* Вот где собака зарыта (*нем.*).

^{2*} Правильно: Sic transit Gloria mundi – так проходит земная слава (*лат.*).

^{3*} Черный костюм (*ит.*).

^{4*} Узники, рабы (*ит.*).

^{5*} XX столетие (*ит.*).

^{6*} Завод им. Галилея (*ит.*).

^{7*} Мороженое (*ит.*).

8 июня

В 9 ч. заехал инж[енер] <нрзб.> Spondone на машине и доставил в Officine. Показывали мех[анический] цех (машины не итальянские), обработка труб для перископов (морских) и дальномеров до 8 метров. Гидравлические испытания перископов. Фотометрии перископов – нет. Трубы обрабатываются тут же на громадных станках. Для испытания дальномеров есть компл[ексная] установка, как и у нас, но предпочитают испытывать с башни, благо это так легко. Завод занимается одновременно всем, строит звукоулавливатели, изоляторы для высоковольтной передачи для ж.д., есть хорошее отделение радиоприборов (измерители и контроллеры частоты, прецизионные емкости, генераторы и пр.). Вычисл[ительное] бюро с Giotti во главе по виду очень скромное, много с ними говорил о методах, знают работы Слюсарева. Делают всевозм[ожные] научные приборы: большой Литтровский спектрограф, монохроматоры, микроскопы, осветители к ним (Koristka¹) (так, чтобы свет не мешал), школьные приборы. Рабочих всего 1200, инженеров около 300. Предприятие – частное. Говорят, что делают в 5 раз меньше того, что могли бы делать, из-за кризиса. Обстановка чуть ли не как в S. Marco. Окошки раскрыты, за окнами giardino* с розами, огород, рабочие – солидные, страшно симпатичные (наиболее симп[атичная] часть завода). Все страшно тихо, как-то медленно, не верится, что это завод, впечатление института. Много им сам рассказывал. Опт[ическим] И-ом довольны, главным образом потому, что он поставляет инженеров. Послезавтра утром поеду в Officine 2-й раз.

После обеда с неизбежным меню: quarto di vino rosso, tartellini, vitella и fragoli^{2*}, решил пойти в Cascine². Насладился, сидя на зеленом берегу Арно. Конечно, сам по себе пейзаж не лучше, чем на берегу Москвы-реки или Охты. Но там вдалеке фиолетово-красный купол S. Maria Del Fiore³, который вот-вот раскроется, как бутон, в красную лилию, но знаю, что в Арно купался и Леонардо и Данте и Галилей, и так как человек – вся история вместе взятая, то пейзаж звучал так, что еще раз запомню его до конца жизни. В 9 часов решил пойти в Giardino Boboli⁴ на Alceste Глюка⁵, благо представляли со скидкой. Вот после таких вещей можно захотеть жить. На естественном фоне зеленой высокой стены, с лиственницами, каштанами, кипарисами, статуями цезарей и Аполлонов, под покровом звездной, лунной ночи развертывается чудесная музыка Глюка. Как обернешься [-] купол Duomo и башня Palazzo Vecchio. Идти через Ponte Vecchio⁶. Благодарю небеса за этот чудесный вечер.

9 июня

Воскресенье, звонят, звонят, во Флоренции всегда звонят. Неопределенный день. Зашел в архаический Баптистерий¹, там крестят, золотятся мозаики XIII века, века переплелись, связались и говорят о силе человека. Duomo – служит епископ, китайская церемония с облачением. Внутри церкви неуютно, как-то руки сильной, наводящей порядок не чувствуется. На стене Данте перед флоренц[а]ми и адом. Сел на трамвай и решил загля-

* Сад (*ит.*)

^{2*} Четверть красного вина, бутерброды, телятина и земляника (*ит.*).

нуть в Settignano. Один из холмов, городишк[о] – деревня, с испугавшимися старушками в кофейной. Уютно, тихо, снова вид на Del Fiore. Скоро вернулся. Обед с неизбежным меню. Потом Giardini Boboli с жесткой зеленью, вид на Флоренцию и счастьем Флоренции*. Вечером кино, куда пошел, чтобы посмотреть цветное кино «Natalità»^{2*}. Потом думал на свободе.

10 июня

Утром Officina Galileo. Оптический цех. Центрировка линз, простое испытание (по биению изображения), центрировка от руки, серебрение химическим методом и алюминирование. Лаборатория и цех непрерывно связаны. Интерферометр Тваймэна¹ в цеху. Нанесение шкал фт[ористо]-вод[ородной] кисл[отой], механически при помощи «_ _»*, фотографически и впеканием (проф. Фернанец не был). Фотоэлементы – таллофиды. Цеха небольшие. Лаборатория и цех перемешаны так, что не узнаешь. Громадное влияние Опт[ического] И-та, который дал инженеров и присматривает все время. Разговор с Мартинцом (директор, похожий на Трофимова). Полное понимание научной стороны. Урок для нашей промышленности. Прямая антитеза нашим заводам. Оптиков мастеров всего 65. Цветы, цветы.

После обычного обеда (письмо Свешникова)² заехал Ronchi. С ним сначала заезжали в Хим[ический] И-т насчет редких земель. Потом трибуна^{3*} Галилея, получил в подарок ценные книжки об Acc[ademia] del Cimento³ (очевидно, посетитель бывает раз в год). Учреждение непонятное, видно, что никто этим не занимается. Потом в Опт[ическом] И-те. Разговор с Ронки. Книжки от него. На минуту у него в квартире, декорация под cinquecento^{3*}, дом старый, стены больше трех веков, жил Donati. Поехали на машине. Autostrada с изумительными зелеными полями. Мираж воды. Жара. Проехали до Пратто, а потом двинулись по colli^{4*} в Montesenario. Высоко, леса, похожие на наши, здесь могут быть и fragole^{5*}. Деревушки с виллами. Parocco^{6*} с pendolino^{7*} предсказывают, кто будет – мальчик или девочка, воду, сокровища etc (по образованию меди[к]и). Ужин в деревенском ресторанчике с неизбежным итальянским репертуаром. Подвыпили. Разговор часа 3, почему сделались оптиками, свернули на политику, по Ronchi, quasi nessuna differenza^{8*}, пришлось указать, что differenza в том классе, на котором стоит режим. Опять о борьбе физиков с оптиками. Поездка вниз, огоньки Флоренции. Потом маленькая прогулка по старым улицам. Почти что «Verweile doch, du bist so schön»⁴. Как жалко уезжать из родной Флоренции.

* Так у Вавилова.

^{2*} Рождество (*ит.*).

* Так у Вавилова.

^{2*} Кафедра (*ит.*).

^{3*} Зд. XV век (*ит.*).

^{4*} Шей (так называют в Италии извилистую дорогу) (*ит.*).

^{5*} Земляника. (*ит., мн. число*).

^{6*} Приходской священник. (*ит.*).

^{7*} Отвес. (*ит.*)

^{8*} Почти никакой разницы (по-видимому, речь шла о режиме в Италии и СССР) (*ит.*).

11 июня

Из Firenze надо уезжать. Чудесный город, несмотря ни на что не скидывающий своих старинных одежд, к ним приспособляющий, строящий «экономику» на этой стороне. Фиолетово-темно-красный и серый, как голуби или старые гимназические куртки. Когда вчера заходил на квартиру к Ronchi, сразу почувствовал этот stile fiorentino. Голые стены, мадонны с тусклым золотом, скамейки орехового цвета. Просто, наивно, но совсем свое.

Утром сходил в Лауренцианскую библиотеку рукописей около С. Лоренцо. Тексты Данте, Гомера, подлинник Унии в 1439 во Флоренции. Потом бродил. Вечером опять Cascine. Уныло за самого себя. Глупое кино.

12 июня¹. Рим

Утром забежал на Piazza Signoria*, посидел у челлиниевского Персея и в 11 ч. утра выехал. По дороге опять тоскански[е] нежные холмы с виноградниками. Стогами. «Пупырушки» П[ь]еро деи Франческо. Поклонился пролетевшему мимо Ареццо, в 3 ½ был здесь. Остановился, как ¼ века назад, в Albergo Santa Chiara. Все осталось почти тем же, кроме лифта и теплой воды. Много забыл, но многое помню. Пошел по Corso Vittorio Emanuele. Вид невзрачный и провинциальный. Весь Рим какой-то золотисто-желтый, это совсем ясно после серой Флоренции (кстати, во Фл[оренции] я жил рядом с Santo dei diavoli). Добрел до Castello S. Angelo, а потом и до S. Пьетро. Походил по этим сияющим белым мрамором и золотом громадам – до чего холодно, неудобно и похоже на зал во дворце Вильгельма II. Каким способом эти крылатые padri и frati^{2*} еще заставляют быть религиозными. Сидел на подножиях колонн, курил, мечтал, грустно и за себя и за других. Пошел на Corso мимо Piazza Venezia, где обретается Duce. Здесь явное желание «пыжиться». Какая-то особа на меня весьма подозрительно посмотрела. Дал тягу. Разыскал Piazza Colonna. Разыскал свой фонтан, ⟨нрзб.⟩ с бочкой. Много воды за это время из его бочки выте[к]ло. Если считать, что в минуту по 200 куб. см, то получается отчаянная цифра.

Всеим иное, чем во Флоренции [настроение], строгое, деловитое и пугливое. Пугают фашисты, пугают монахи. Заглянул к Gesu² к какой-то padre с жестами начинающего адвоката. Говорил не очень умную проповедь. Ел gelato. Устал, 25 лет т[ому] н[азад] под окнами Albergo Santa Chiara распевали «La donna é mobile»^{3*}, а сейчас насвистывают что-то меланхолическое.

13 июня

Есть совершенно объективная меланхолия в современном Риме, она – в отсутствии веселых bande militare, стад соломенных шляп, заполонявших в прежние времена Piazza Colonna и главные улицы, в тоскливых выражениях padri и frati, боящихся остаться без дела.

* Площадь Синьории.

^{2*} Священники и монахи (ит.).

^{3*} «Непостоянная» (ит.).

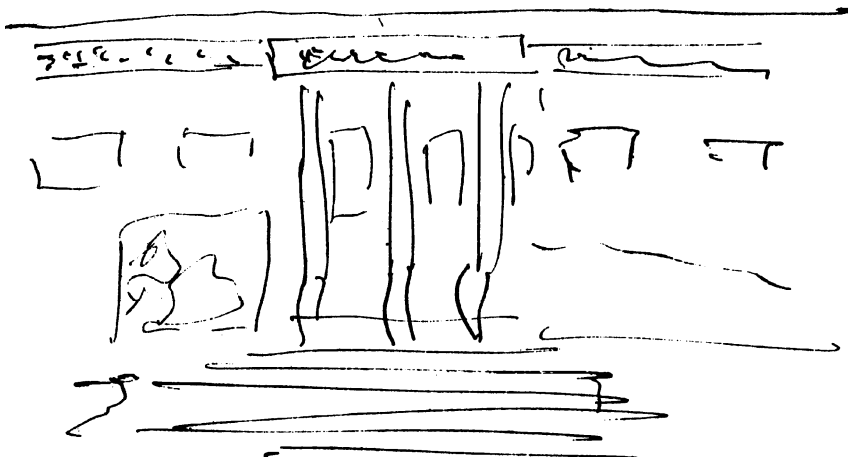
Утром на автобусе доехал до Piazza Indipendenza, а оттуда на Via Gaeta в наше посольство. Говорил и с полпредом, и атташе Пав[лом] Ив[ановичем] Петренко и наконец поймал миланского торгпреда Беленького. Пробыл там до 1 ч.

3 часа перерыва, обедал в своей S. Chiara, писал письма, двинулся искать физический Институт. Нашел, но Ферми только что уехал в Америку¹, Рассетти занимается биологией, вообще с отъездом Ферми вся компания, т.е. Amaldi, D'Agostino, Fermi, Pontecorvo, Rasetti и Segré, разваливается. Нашел Segré, он поводит по и-ту, показал сначала обычные вещи, счетчики без счета, камеры Вильсона, ионизац[ионные] камеры (3 атм CO₂ и ал[юминиевая] обол[очка] в 1/10 мм), прибор для перекалки радона. Интересен был только новый опыт с термич[ескими] скоростями нейтронов. Диск диам[етром] около 80 см, 1500 об[оротов] в минуту, на периферии две пластинки, напри[мер] Manqnese. Источник нейтронов.

Рядом большое кольцо, заполненное парафином. Измер[ение] эффекта иск[усственной] радиоактивности на обеих пластинках при вращении диска дает разницу в 10%. Организ[ационный] разговор с Сегре. Даются деньги на приборы, оборудование. «Ma non s'è posti, non s'è uomini»^{*}. Сегре собирается

уезжать в Америку, остальные тоже разбегутся. Amaldi повез меня показывать здание нов[ого] физ[ического] И-та в Citta Universitari[o]^{2*}. Стиль Novescento, как везде, как в Москве. Palazzo universitario более или менее красиво, но это «повесент'ецкая» стилизац[ия] классики.

Физический И-т достаточно нелеп. В разработке плана ни Ферми, ни Корбино не участвовали. За всех старался Лосурдо. Аудитория на 500 персон, никаких спец[иальных] комнат. Впечатление, как Бог на душу придет. Стройка не особо казистая а ля Лившиц. Рим только в окраске – желтый кирпич для облицовки. Перед центр[альным] зданием зеленая Минерва достаточно страшного вида. Потом часа 1 ½ Амальди возил меня по Риму.

^{*} Но ни места, ни людей (*ит.*).

^{2*} Университетский городок (*ит.*).

«Знакомые печальные места»². Колизей, форумы, где теперь Муссолини разбивает роскошные променады (Via del Impero Romano), холм Яникул³ с Гарибальди и недавно поставленной его супругой. Золотистый Рим снизу, серьезный, бюрократический, надутно-церковный. Потом просил завезти на Piazza di Spagna, Via Condotti, café Greco⁴ (И.Е.⁵ все вспоминаю). Новая вилла Warts с павлинами, monte Pincio, Piazza del Popolo. Все узнаю.

Где-то около Пьяцца Колонна распростился со спутником. Двинулся на обещанное свидание с торгпредом в Ambasciat'y^{3*}. Но как полагается соотечественникам, с Миланом он не переговорил еще, и я пошел не солоно хлебавши есть Cassute на Piazza Colonna, где тихо и грустно. Вот и все.

14 июня

Полпредские товарищи плохо ценят чужое время. Был сегодня там 2 раза, всего часа 3 и оба раза без толку. Слышал только разговор о том, как устраивать ужин после подписания торгового договора, à la russe или all'italiano.

Утром пошел в Ватикан. Вход в музей теперь совсем с другой стороны, чем прежде, пришлось обогнуть чуть ли не все стены Ватикана и убедиться, за какой твердыней почивает папа.

Выстроено новое здание пинакотеки, безобразное по внешнему виду, но великолепно освещенное, картины страшно выиграли. На картины теперь гляжу совсем другими глазами, чем раньше – почти как на крашенные стены, только очень немногое глубоко задевает. Страшно понравился Donato Creti (1671–1749) Osservazioni astronomici* – 6 небольших полотен. Хорошо бы раздобыть фотографию. Совсем неожиданен оказался Federigo Fiori (Barocci) «Il riposo in Egitto»^{2*} (1528–1612). Глубока и оригинальна Pi[e]tà^{3*} Giovanni Bellini. Giorolamo – Леонардо – мимо. Русские иконы, но им кто-то очень плохое подсунул.

Потом пошла бесконечная сокровищница Ватикана. Стены с фресками Пинтуриккио, комнаты Борджиа, шкафы, набитые сокровищами. Это – почти километрами. В Ватиканской библиотеке свернул на деловую почву, пробрался в каталог, говорил с бородатым монсиньором о капучине François Marie (Capucin de Paris). Искал его книжку с началом метода гашения. Нет. Узнал только ее точное заглавие и то, что она есть в British Museum за № 537а. Заглавие такое: François Marie (Capucin de Paris) Nouvelle découverte sur la lumière pour la mesurer et en compter les degrés. Paris. 1700¹ 12°. Очень доволен, что хоть ½ ч[аса] побыл в этом хранилище рукописной и печатной схоластики. Можно же создать гору премудрости из ничего. Ходят

^{3*} Посольство (*ит.*).

* Астрономические наблюдения (*ит.*).

^{2*} «Остановка в Египте» (*ит.*).

^{3*} Пьета, картина, изображающая снятие Иисуса с креста («Оплакивание Христа»).